

Мікрополя виступають порівняно незалежними угрупованнями, утворюють доволі відкриту периферію, елементи якої здатні перетинатися з одиницями суміжних мікрополів поля. Компоненти периферії найбільш віддалені від ядра, оскільки втрачають основні семи поля і набувають інших ознак. Тому периферійна лексика характеризується розмитістю меж та послабленими зв'язками з ядерними одиницями поля.

Проведене дослідження не є вичерпним і відкриває перспективи вивчення зіставлених мікрополів на матеріалі фразеологічних одиниць.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Будагов Р.А. Язык – реальность – язык. М.: Наука, 1983. – 262 с.
2. Павлієніс Р.И. Проблема смысла. – М.: Мысль, 1983. – 287 с.
3. Шаповал В.В. Подходы к сопоставительному описанию лексических моделей личности в языках разных культур // Вестник Международного славянского университета. – М.: Изд-во МСУ, 1998. – Вып. 3. – С. 61-63.
4. Словник української мови: В 11-ти томах. – Т. 1-11. – К.: Наукова думка, 1970 – 1980.
5. OED – Oxford English Dictionary Online. / ed. by J.Simpson. 3rd edition, 2000-2004 – Oxford: Oxford University Press. – <<http://dictionary.oed.com/cgi/entry/00181778>>

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Надія Іваненко – кандидат філологічних наук, доцент кафедри практики германських мов Кіровоградського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка.

Наукові інтереси: когнітивна лінгвістика, порівняльна типологія.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЯ «КОННОТАЦИЯ»

Виктория КАННА (Мариуполь, Украина)

У статті розглянуто, як розвивалися уявлення про конотацію. У лінгвістиці з кінця XIX століття терміном конотація позначали усі емоційно-забарвлені елементи змісту виразів. Представлені подальший розвиток вчення про конотацію у психолінгвістиці, семіотичний підхід, розуміння конотації у вітчизняній лінгвістиці в радянські та наші часи.

Ключові слова: конотація, конотуючий, власне ім'я, співзначення, емоційно- забарвлений, денотація, конотативна семіотика.

The article dwells on the development of views on connotation. In linguistics at the end of the 19th century the term connotation denoted all emotionally coloured elements of expressions. Further development of science about connotation in psycholinguistics, semiotic approach, understanding of connotation in Soviet linguistics and in our times are given.

Key words: connotation, connotating, proper name, comeaning, emotionally coloured, denotation, connotative semiotics.

В настоящее время в многочисленных работах, посвященных различным аспектам семантики собственных имен, довольно часто встречаются термины, связанные с понятием “коннотация”. Однако сколько-нибудь развернутого анализа как самого понятия, так и образованных на его основе терминов и терминованных сочетаний, как правило, не делается, что приводит в конечном счете к “неразберихе”.

Понятие “con-notare” (коннотировать) возникло в схоластической логике и проникло в языкознание через грамматику Пор-Рояля. Широкое распространение оно получило лишь в XIX веке [6]. Коннотация стала как сущность понятийная (интенционал) противопоставляться денотации (экстенционалу). Наиболее ярким представителем этого направления в понимании коннотации стал упоминавшийся выше известный английский логик Дж. Ст. Милль.

Основной вывод, к которому пришел В. И. Говердовский, состоит в том, что для Дж. Ст. Милля коннотация и есть собственно значение слова. “Быть коннотирующим (иметь значение) – значит сообщать информацию, или подразумевать атрибут, предидировать. Хотя все свойства предметов нам не известны, коннотации слова достаточно для того, чтобы установить его границы” [4: 82].

Дж. Ст. Милль отвел коннотации важное место в системе образования значения. По Дж. Ст. Миллю, если имя не коннотирует, то оно обозначает или только предмет, или только признак. А вот если коннотирует, то оно одновременно прямо указывает на предмет, а косвенно – на признак этого предмета. “Имена Лондон, Джон, Англия обозначают только предметы; белизна, длина, добродетель – только признаки, поэтому ни одно из этих имен не будет коннотирующим. Но белый, длинный, добродетельный – это имена коннотирующие.

Слово *белый*, например, обозначает все белые предметы: снег, бумагу, морскую пену и т. п. – и косвенно коннотирует или указывает на признак белизны” [4: 82]. Здесь нужно заметить, что в рассуждениях Дж. Ст. Милля не разграничены имена нарицательные и собственные, а только имена предметов и имена признаков. Тем не менее разобраться в его понимании явления коннотации очень важно, поскольку, с одной стороны, он ушел от представлений грамматиков Пор-Рояля, а с другой – довольно оригинально трактовал когнитивную сущность коннотирования.

Как показал В. И. Говердовский, Милль считал, что из разделения имен на коннотирующие и неконнотирующие вытекают весьма важные следствия. В первую очередь они, по нашему мнению, касаются культуры и, можно сказать, дисциплины мышления. «Частная неопределенность в соозначении имен может быть безвредной только при соблюдении самых строгих предосторожностей. Действительно, одним из главных источников распушенности мышления является привычка употреблять соозначающие имена, не установив их соозначения и не составив об их содержании более точного понятия, чем какое получается при поверхностном обзоре обычно обозначаемых ими предметов... Люди говорят, а следовательно, и думают неотчетливо, довольствуются той же степенью осмысленности своих слов, какую влагает в слово “брат” и “сестра” трехлетний ребенок» [4: 82].

По-видимому, для самого Дж. Ст. Милля некоторые аспекты коннотации все же остались не вполне ясными, о чем писал Х. В. Б. Джозеф: “К словам, лишенным коннотации и, следовательно, не имеющим значения, Милль относил все собственные имена и обозначающие лишь субъект (*длина, добродетель*), в то время как *длинный, добродетельный* у него коннотируют [7: 148]. Однако в его рассуждениях, касающихся имен классов предметов, по нашему мнению, есть очень важное наблюдение, подтверждающееся в исследованиях психолингвистами онтогенеза детской речи. “Имя не сразу дается классу предметов, сначала дается одной вещи, постепенно распространяясь на подобные. Имя может быть перенесено с одного предмета на другой, пока не закрепится за предметом, совершенно не похожим на первый. Абстрактные имена для разных лиц имеют различные коннотации” [4: 82].

По мнению исследователей (В. И. Говердовский, В. Н. Телия и др.), в настоящее время сформировалось более или менее цельное отношение к явлению коннотации в семантике языковых единиц. Начало же было положено еще в конце XIX в. «В лингвистике с конца XIX века термином коннотация стали обозначать все эмоционально окрашенные элементы содержания выражений, соотносимые с прагматическим аспектом речи. Закреплению подобного понимания термина “коннотация” способствовали психолингвистические исследования аффективной стороны слов, а также ассоциативные эксперименты, показавшие реальность осознания ассоциативно-образных, оценочных и стилистических признаков» [5: 236].

Следующим был представлен вклад выдающегося американского лингвиста Леонарда Блумфилда, который трактовал коннотацию как дополнительную информацию к десигнату. По его мнению, коннотация – это такие элементы значения, которые несут дополнительную информацию о существенных свойствах и признаках объекта. Л. Блумфилд стал первым ученым, который выделил чисто семантические коннотации, непосредственно относящиеся к сфере сознания. “Сюда относятся коннотации, связанные с употреблением слов различными социальными слоями, в различных местных говорах, в различных жанрах и сленгах. К этой группе относятся также коннотации, возникающие в заимствованных словах. Л. Блумфилд выделяет также группу коннотаций, имеющих не интеллектуальную, а эмоциональную базу. Это коннотация эвфемизмов (от приличных форм до табу), коннотация усиленного значения, достигаемая, в частности, перестановкой слов в речи (например, *yesterday he came*), коннотация символических форм, звукоподражаний и др.” [4: 84]. Как явствует из книги самого Л. Блумфилда, его понимание коннотации носило экстралингвальный характер. Он считал, что коннотация обусловлена определенными социальными, региональными, техническими и культурными факторами, отражает определенный уровень речи, поскольку значение вообще – это конкретное применение слова в заданной ситуации общения [3: 161]. Эта трактовка коннотации в конце 50-х годов прошлого века вызвала критику со стороны ряда ученых. Некоторые из них, например, Х. К. Сёренсен, Л. Ельмслев и др. посчитали, что коннотацию

необходимо вывести из сферы интересов лингвистики и сделать ее областью компетенции других наук, например, прагматики, которая считалась, по Ч. У. Моррису, разделом семиотики. Однако уже в 60-е годы началось развитие прагматики как лингвистической науки, что в сущности нивелировало претензии к Л. Блумфилду с этой стороны.

Дальнейшее развитие учения о коннотации получило в психолингвистике. Как наука экспериментальная, психолингвистика много внимания уделяла аффективной стороне слова. Один из отцов-основателей психолингвистики Ч. Осгуд с соавторами (книга «Измерение значения»), пользуясь методикой семантического дифференциала, установил коннотативный профиль слов, причем не только у отдельных носителей языка, но и у целых групп говорящих [8], что свидетельствовало если не об ассоциативных нормах, то, по крайней мере, о социальном характере их возникновения. Отметим, что В. И. Говердовский, несмотря на очевидную ценность данных, подтверждающих реальность осознания ассоциативно-образных, оценочных и стилистических признаков слова, в своем очерке указал лишь на следующее мнение У. Вейнрейха, касающееся осгудовского понимания явления коннотации: “<...> в строгом смысле Осгуд не исследовал ни денотативного, ни коннотативного значения, но только аффективную сторону слова, его так называемое эмотивное воздействие, его способность вызывать у говорящих эмоциональную реакцию, исследование которой, по его словам, не подлежит ведению лингвистики [4: 84].

Очередной шаг в осмыслении явления коннотации был сделан Луи Ельмслевом, который подверг всю систему коннотации семиотическому обследованию. Его взгляды, структуралиста и глоссематика, – во многих отношениях близкие к математическим теориям языка, не могли не сказаться на принципах рассмотрения коннотации. По его мнению, коннотация есть признак, “по которому говорящий делает выбор между различными субкодами (стилями, диалектами, жаргонами), ибо система коннотации по сути дела является знаковой системой. Коннотативную семиотику Л. Ельмслев противопоставляет денотативной семиотике и метасемиотике. Противопоставление производится им на том основании, что денотативная семиотика есть такая семиотика, в которой ни план выражения, ни план содержания не является семиотикой, а метасемиотика – это такая знаковая система, в которой только план содержания является семиотикой в то время как у коннотативной семиотики собственно семиотикой является план выражения” [4: 84].

К числу сторонников семиотического подхода к рассмотрению коннотации В. И. Говердовский относит также Ролана Барта, для которого коннотация представляет собой не случайный продукт прошлого языкового употребления, а сумму структурированных элементов определенного миропонимания или идеологии. При этом имеются в виду не стилистические или риторические формы, а содержание образов, намеков, сравнений, из которых можно вывести политический и культурный смысл, говорящий о принадлежности писателя к определенной идеологии. В связи с заинтересованностью изучением процессов коннотонимизации и вообще онимогенеза, хочется отметить очень перспективный для нас вывод Р. Барта о будущем семиотики как науки. По его мнению, коннотативной семиотике принадлежит будущее, “так как в человеческом обществе на базе первичной системы естественного языка постоянно возникают системы вторичных смыслов, и этот процесс тесно соприкасается с проблемами исторической антропологии” [2].

В отечественной лингвистике в советское и в настоящее время коннотация понимается чаще всего как эмоциональные элементы в значении слова. Согласно О. С. Ахмановой, коннотация это: “Дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность и т.п.” [1: 203-204]. О. С. Ахманова предложила различать ингерентную и адгерентную коннотации, свойственные соответственно слову как таковому и слову в контексте других знаков, что, по ее мнению, позволяет считать коннотацию лингвистическим явлением. В рамках лингвокультурологического подхода к исследованию языковых явлений

стал укріпляться взгляд на коннотацию как неотъемлемую часть языковой системы, связанную не только со стилистикой, но и с культурными факторами, влияющими на языковые средства.

Системное изучение коннотации продолжается буквально во всех сферах функционирования языка и приносит ощутимые результаты как в различных прикладных (речевое воздействие, массовая информация, преподавание иностранных языков, в том числе русского и украинского языков как иностранных), так и в теоретических аспектах [теория перевода, сопоставительная типология семантических структур слов в разных языках, общее языкознание, семасиология (соотношение между коннотемой как предельной единицей семантики слов и семой как минимальным сегментом информации, которую несет слово), теория речевых актов и т.д.].

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 606 с.
2. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: “за” и “против”. – М.: Прогресс, 1975. – С. 115–137.
3. Блумфилд Л. Язык: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
4. Говердовский В.И. История понятия коннотации // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1979. – № 2. – С. 82–86.
5. Телия В.Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 236.
6. Ashworth E.J. Language and Logic in the post-medieval period. – Boston, 1974. – 297 p.
7. Joseph H.W. B. An introduction to logic. – Oxford, 1946. – 286 p.
8. Osgood Ch. The Measurement of Meaning. – Urbana, 1957.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Вікторія Канна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської мови та перекладу Маріупольського державного університету.

Наукові інтереси: конотативна топонімія.

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧНЕ РОЗПОДІБНЕННЯ ГЕНЕТИЧНО СПОРІДНЕНИХ ОДИНИЦЬ: ЧИННИКИ ТА ВИЯВИ

Тетяна КОЗЛОВА (Запоріжжя, Україна)

*У статті розглянуто фрагмент етимологічного гнізда з вершиною і.с. *kailo-. Діахронічний аналіз формально-семантичних змін окремих складових цього гнізда в англійській мові уможливило виявити чинники, які призвели до деетимологізації словотвірних зв'язків, а також їх історичного руху до сучасного стану генетичної формації.*

Ключові слова: етимологічне гніздо, дериваційний зв'язок, індоєвропейський корінь, синкретсемія, семантичний рефлекс, деетимологізація.

*The article deals with the results of semantic divergence of Proto-Indo-European *kailo-. The semantic break-up is approached diachronically, i. e. in the way this split has occurred through time and reflected in the English language.*

Key words: etymological nest, derivational ties, Proto-Indo-European root, semantic syncretism, semantic continuant, de-etymologization.

1. Вступні зауваження. Для діахронічного дослідження лексико-семантичної системи першочергового значення набуває встановлення етимологічних (генетичних) зв'язків між тими лексичними одиницями, які збереглися у споріднених мовах (див. історико-етимологічні розвідки Е. Бенвеніста, Ж.Ж. Варборт, Т. Гамкрелідзе, В.В. Іванова, В.В. Левицького, М.М. Маковського, О.С. Мельничука, А.П. Непокупного, Н.В. Пятаєвої, Н.І. Толстого, О.М. Трубачова, Т.О. Черниш та ін.). Етимологічний аспект вивчення лексичного складу обов'язково доповнюється функціональним, оскільки кожен генетичний зв'язок між лексичними елементами бере свій початок у певному словотвірному акті, а система генетичних зв'язків являє собою фактично систему дериваційних відношень між лексичними одиницями [4: 8]. Генетичні зв'язки між лексемами традиційно подають у вигляді історико-етимологічних гнізд (ІЕГ) різного рангу, залежно від хронологічної глибини етимону, співвідносного із складовими.

Актуальність дослідження окремих прошарків лексикону як системи ІЕГ визначається тим, що синхронно-діахронічний підхід до вивчення генетично споріднених одиниць дозволяє пролити світло на типологію формально-семантичного розподібнення, пояснити факти

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ, МОЛОДІ ТА СПОРТУ УКРАЇНИ
УКРАЇНСЬКА СПІЛКА ГЕРМАНІСТІВ ВИЩОЇ ШКОЛИ
КІРОВОГРАДСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ ПЕДАГОГІЧНИЙ
УНІВЕРСИТЕТ ІМЕНІ ВОЛОДИМИРА ВИННИЧЕНКА

*Світлій пам'яті ректора Кіровоградського державного
педагогічного університету імені Володимира Винниченка,
професора Віталія Івановича Завіни присвячується...*

НАУКОВІ ЗАПИСКИ

*Матеріали п'ятої Міжнародної
науково-практичної конференції
«Мови і світ: дослідження та викладання»*

Серія:
Філологічні науки
(мовознавство)

Випуск 95 (2)

Кіровоград – 2011

ББК 81.07; 81.0; 74.261.7

М 54

УДК 81.25; 81'27; 44(07)

Наукові записки. – Випуск 95. – Серія: Філологічні науки (мовознавство): У 2 ч. – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2011. – 580 с.

ISBN 966-8089-24-3

До наукових записок увійшли статті, присвячені дослідженню актуальних питань різних галузей сучасного мовознавства – лексичної семантики, фразеологічного складу мов, словотвору, ономастики, термінотворення та прикладної лінгвістики.

Збірник розрахований на наукових працівників, викладачів, студентів філологічних факультетів, а також учителів-словесників.

Друкується за ухвалою вченої ради Кіровоградського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка
(*протокол № 6 від 31.01.2011 року*).

РЕДАКЦІЙНА КОЛЕГІЯ:

1. Олег Семенюк	– доктор філологічних наук, професор
(відповідальний редактор).
2. Григорій Клочек	– доктор філологічних наук, професор.
3. Болеслав Кучинський	– кандидат філологічних наук, професор.
4. Василь Лучик	– доктор філологічних наук, професор.
5. Володимир Манакін	– доктор філологічних наук, професор.
6. Василь Марко	– доктор філологічних наук, професор.
7. Володимир Панченко	– доктор філологічних наук, професор.
8. Валентина Парашук	– кандидат філологічних наук, професор.
9. Василь Ожоган	– доктор філологічних наук, професор.
10. Олег Поляруш	– кандидат філологічних наук, професор.
11. Олена Семенець	– доктор філологічних наук, професор.
12. Олександр Білоус	– кандидат філологічних наук, доцент
(відповідальний за випуск).

ISBN 966-8089-24-3

Статті подано в авторській редакції.

**© Кіровоградський державний педагогічний
університет імені Володимира Винниченка, 2011**